

ЛИРИКА ЕСЕНИНА

*Спит ковыль. Равнина дорогая.
И свинцовой свежестью полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь*

Проникновенный лиризм этих строк, обращенных к родной земле, покоряет глубиной душевного чувства.

Поэзия как подлинная духовная реальность есть состояние глубоко интимного, исповедального лиризма. Другими словами, силовое поле поэтической индивидуальности измеряется, если гармонию поверять алгеброй, разрешающей способностью лирической метафоризации духовного макрокосма поэта. Метафора - это слово в квадрате. Лирика - это сумма квадратов, заданная арифметической, нет, геометрической прогрессией всех мыслимых метафорических операций над поэтической строфой в пределах лирического повествования, в завершенном виде являющая некую идеальную фигуру, формально называемую стихотворением. Поэтическое полотно с нанесенным на него лирическим узором представляет собою плод упорного и длительного труда голосовых связок над озвучанием немолчающей реальности. Сиречь, пот и кровь духовного поиска поэтической индивидуальности. Стихотворение есть эстетическая выжимка духовных пор поэтического феномена. Красота поэтической вязи, ее нерукотворного слога, суть мера эстетической чуткости поэта к разноголосице окружающего мира. Тремоло Вселенной, от светлячков-звезд на ночном небе до материнского крика отчаяния, потерявшей в кровавой демаркационной бойне плоть от плоти, родную кровинку сына, усиливается до частоты надмирной звучащей раковины, сродни моцартовской полифонической амальгаме. Душа - это зеница поэта, его духовное око.

*Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.*

Есенин - лирик по преимуществу. Природа лирического переживания суть форма духовного подвижничества. Корни есенинской лирической исповедальности восходят из благодатной почвы наследуемой им без малого вековой традиции

русского классического стихотворчества. От Державина, Пушкина и, по касательной, Боратынского, Тютчева, Некрасова, Кольцова, Фета, Полонского, Клюева, до Бунина включительно. Пусть не напрямую а, косвенно, устанавливается генеалогия приращений силовых полей перечисленных поэтов на собственное творчество поэта земли русской. Без взаимообогащений духовных приоритетов, вне ученического накопительства и поденщины над поэтическим образом, формообразующим тропом, силлабической тектоникой поэтического письма поэзии и, стало быть, поэта в беспримесном, стерилизованном виде не существует. Поэта как, скажем, мальчика в католической хоровой музыкальной традиции для постановки высокого голоса, нельзя подвергнуть стерилизации. Он замолкает.

*Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.*

Для поэта масштаба Есенина подобное заявление не эпатаж, а сознательная авторская установка на лирическую опоэтизацию духовного миропорядка. Суть преодоление красотой косного материала бездуховной реальности, мера преображения в прекрасное уродливой и пошлой повседневности.

*Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.*

Авторская интонация углубляет тему лирической актуальности.

*Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.*

Поэтическое кредо, усиленное сравнительными эпитетами, как то: «деревянная Русь», «золотой бревенчатой избы» и тьмой родственных им вариаций, - сообщает пасторальному мифотворчеству Есенина характер откровения. За этим кроется тайна. Есенин, как никто другой до него в русской поэзии, возводит русский лубок в сан подлинной поэтической реальности, которая не подразумевает территориальных и временных границ. По большому счету, предъявляемой поэзией творцу, дело не в «деревянной Руси», не в «золотобревенчатости избы» и, даже, не в «златокудрости» самого поэта. («Золотая сорвиголова...») Есенинская метафора находится в преимущественном положении по отношению к другим языковым средствам выразительности, дабы максимально интенсифицировать лирическое переживание. Есенинская метафора - это тромб лирического кровотока поэта.

*То сучья золотых стволов,
Как свечи теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.*

Бунинское, к примеру, живописание природы являет собою мудрое, холодным сердцем любованье ее красотой:

*Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный
Веселой, пестрою стеной
Стоит над солнечной поляной.*

Фетовский элегизм, с другой стороны, с присущим ему тонким лирическим инструментарием, наследует традиции европейского классицизма. Это умиротворенная созерцательность, не питаемая теплом души:

*Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды.*

Есенин - это тепло, источник тепла, способный растопить ледок человеческого бездушия, согревающий теплотой своего дыхания холодок бездуховного миропорядка. Теплота, никакой характеристикой не измеряемая, растрчиваемая без меры из кладезя души.

*Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольнo крестится рука.*

*О Русь - малиновое поле
И синь, упавшая в реку, -
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.*

Поэзия - не потребность школяра выказать свое восхищение возлюбленной (хотя, это наблюдение верно при определенных обстоятельствах) а, наркотик, некое

сомнамбулическое состояние, в котором пребывает лирический герой, обращаясь к предмету своего чувственного любования. От этого наркотика нет отвыкания и нет панацеи от такой болезни. Тайна божьего промысла поэтического менталитета не раскрывается прозаическим оком в силу неодолимости его обывательского зрачка.

*Быть поэтом - это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже
Кровью чувств ласкать чужие души.*

В есенинской поэтике покоряет сила исполнительского дыхания. Поэтическое письмо поэта прочно спаяно полем его душевного любования с горизонтом его духовного созерцания. Поэтика есенинских образов глубоко чувственна и интимна. Это металиризм чувственного переживания.

*Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя - поле безбрежное -
Дышит запахом меда и роз.*

Природа для Есенина не отвлеченная экологическая дисциплина, не частный случай самобытной исполнительской манеры, а полнота духовного опыта, предельное значение созерцательного окоема поэта.

Многообразно звуковое, цветное, аллегорическое оформление стиховой ткани Есенина. Поэт живописует природу родной земли яркими, сочными мазками из богатейшей палитры языковой выразительности. В ход идут все оттенки смыслообразовательной амальгамы: от гиперболических пиететов до молитвенных причитаний. В арсенале поэта пейзаж русских деревень

*За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.*

Абрис дорогих сызмальства крытых соломой изб

*Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймленные синью рога.*

Неоглядные просторы среднерусских равнин

И вы, равнин пески.

Трогательное дыхание предрассветного часа

*Брежит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.*

Пленительная зачарованность неискушенного отрока открывшимся ему видением в своей безыскусной и одухотворенной красоте русской березы

*Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан.
И ее золотистые косы
И холщовый ее сарафан.*

Неподдельная грусть сердечного чувства по отцветающей природе, сродни пушкинскому: «Люблю я пышное природы увяданье, В багрец и золото одетые леса...»

*И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок.*

Трепетное, сродни первым, только что пробудившимся ото сна из почек, клейким листочкам обоняние весны

*Синий май. Зоревая теплынь.
Не прозвякнет крыльцо у калитки,
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.*

Запредельная, надмирная, как лебединая песнь, как крик подранка, уловимая только сверхчутким слуховым аппаратом, печаль

*Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.*

Есенин - поэт откровения. В двадцатом веке в русской поэзии вослед за Сергеем Есениным поэтом интенсивной духовной исповедальности может быть названо одно имя - Владимира Высоцкого с его обезоруживающей душевной искренностью и подкупающей чистотой духовного облика. В девятнадцатом веке провиденциальный и пророческий характер в поэзии был присущ исключительно Лермонтову. Все остальные высокие образцы русской поэзии двадцатого века, не имеющей аналогов в мировой поэтической практике нашего столетия, с ее блестящим европейским воспитанием, по существу, - норматив академической изящной словесности, суть высокохудожественный профессионализм, литературной критикой и потомками называемый классикой.

Трудно говорить о поэте от второго лица, да, и, вряд ли целесообразно. Поэт определяет свою судьбу сам. Поэт есть единственно подлинная, исчерпывающая себя реальность. Безусловность и непреложность поэтической свободы определяется вышней волей небес, ведением промысла божьего.

*Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.*

Есенин живет природой, дышит природой, созерцает природу. В этом созерцании нет мишуры и вычурности. В нем все - истина. Можно, конечно, вспомнить «лапотное» детство, которое Сережа Есенин провел в Константиново (село в Рязанской губернии), и этим обстоятельством объяснять юношескую и зрелую экспансию темы красоты родной земли на все его творчество. Однако, это будет малоубедительно.

Есенин эмоционален изнутри теплым, животворящим огнем, онтологической природой духовного остова, памятью корней, питаемых соками избяной, золотобревенчатой родины. Жизнь смотрит вперед, а поэт в свои корни. Любой материал, попадающий в поле зрения Есенина, идет в топку его поэтической плавильни, высвобождаясь законченными образцами «несказанного, синего, нежного...» Былинка, ветерок, равнин пески, рязанское небо, ромашковый дуг, белых яблонь дым, белая береза, роща золотая, клен заледенелый, листьев медь, руки милой - пара лебедей, - изнанка душевных впечатлений облекается в словесную плоть. Звуки ночи и раннего утра, краски заката и времен года, запахи душистых трав и росы, волнение листвы и речной волны, - все виденное, прочувствованное, пережитое поэтом воспроизводится в стихах в незамутненном, неискаженном абберрацией его по-

следующего жизненного пути (петербургский и московский периоды) виде. Городская жизнь не изменила лирический менталитет Есенина. Лирический в смысле его обращенности к покинутому им, но не забытому, родному рязанскому небу

*Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.*

Есенин не представим вне опоэтизированных им картин родной природы, неприхотливого сельского быта. Где бы он не находился: в Петербурге, в Москве, в Европе, в Америке, - явственна в его стихах сквозная тема неразрывной связи с родным домом как миром духовной благостыни, источником душевных сил

*Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.*

Печальный ли, прощальный ли, - привет всему тому, что составляло детство поэта, мудрое в своем величии и бесхитростное в своей простоте

*В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, -
Шлю привет воробьям и воронам,
И рыдающей в ночь сове.*

Поэт принимает все. Всеохватность, всеизбыточность, открытость миру суть составляющие поэтического менталитета. Провидение уготовило Есенину многотрудный путь, трагический в своем исходе, постижения мира красотой, наполнения его содержания собственным духовным опытом, подлинном в своих человеческих проявлениях

*Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.*

Последние две строки перевесят чашу весов на любом суде истории в пользу оправдания подзащитного. А Сергей Есенин зело нуждается в нашем сострадательном участии к его посмертной памяти. И, с последними словами обращаясь к нам, его почитателям и его хулителям, поэт просит сострадать его душе после смерти, как сам милосердствовал нашим душам при жизни

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

Виктор Григорьев

Весна 1996,
Казань